

Д. И. Вебер

ОРГАНИЗАЦИЯ
СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ СОБРАНИЙ
В ЛИВОНИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА
И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ*

В статье рассматривается специфика ливонских ландтагов, игравших важную роль в жизни Ливонской конфедерации в XV–XVI вв. Эта территория представляла собой конгломерат земель, подчинявшихся нескольким ландесгеррам, в том числе ландмайстеру Немецкого ордена и архиепископу Рижскому. Подобное политическое устройство привело к формированию сословно-представительного органа, отражавшего расстановку сил в этой части Прибалтийского региона, в частности политическое влияние ганзейских городов и местного рыцарства. Основы Ливонской конфедерации были заложены ландтагом в Валке в 1435 г.

Ключевые слова: ганзейские города, сословия, ландтаг, Ливонская конфедерация, архиепископ Рижский, Немецкий орден, ландмайстер.

Сословно-представительные органы неоднократно становились объектом внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей, ввиду важности этой практики для политической системы Европы в Средние века и Раннее Новое время¹. Однако

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФ 16-18-10393 «Самоорганизующиеся структуры средневекового города: генезис, классификация, механизмы функционирования».

¹ Ввиду обширной историографии сословно-представительных учреждений (несмотря на отсутствие подобного термина в зарубежной историографии) предлагается только краткий историографический обзор. *Хачатурян Н. А.* Сословная монархия во Франции в XIII–XV вв. М., 1989; *Рогачевский А. Л.* О взглядах немецкого бюргерства XIV–XV вв. на природу и назначение городских органов власти // *Правоведение*. Л., 1989. Вып. 6. С. 46–52; *Buchda G.* Reichsstände und Landstände in Deutschland im 16. und 17. Jahrhundert // *Die geschichtlichen Grundlagen der modernen Volksvertretung: Die Entwicklung von den mittelalterlichen Korporationen zu den modernen Parlamenten*. Darmstadt, 1974. Bd. 2: Reichsstände und Landstände. S. 211–241; *Wild J.* Quellenlage zum Alten Landtag // *Der bayerische Landtag vom Mittelalter bis zur Gegenwart: Probleme und Desiderate historischer Forschung*. München, 1995. S. 127–139; *Harding E.* Landtag und Adligkeit: ständische Repräsentationspraxis der Ritterschaften von Osnabrück, Münster und Ravensberg, 1650 bis 1800. Münster, 2011; *Kommunikation in der ländlichen Gesellschaft vom Mittelalter bis zur Moderne* / Hrsg. W. Rösener. Göttingen, 2000; *Krüger K.* Die landständische Verfassung. München, 2003; и др.

подобные политические институты прибалтийских земель исследованы в меньшей степени, чем аналогичные образования Западной или Центральной Европы, в особенности в Ливонии или Ливонской конфедерации.

При рассмотрении этого политического образования анализ института ландтагов играет одну из главных ролей. Несмотря на то, что Ливония представляла собой периферию, она все же являлась частью Священной Римской империи. Это обусловило политическую связь региона с Центральной Европой, в то время как экономические контакты поддерживались благодаря влиянию Ганзейского союза. Вместе с тем, часть Ливонии являлась Орденским государством (*Ordensstaat*) схожим с Пруссией, главным отличием от которой было наличие политического противовеса в лице архиепископа Рижского и подчиненных ему епископств. В Пруссии же к XVI в., к моменту секуляризации орденских владений в герцогство в 1525 г., окончательно завершилась инкорпорация епископских структур в орденские, что на практике обусловило укрепление власти духовно-рыцарской корпорации в качестве единоличного сюзерена. На территории же Ливонии в конце XV–XVI вв. окончательно оформилось несколько ландесгерров (*Landesherr*), Немецкий орден, архиепископ Рижский, епископ Эзельский, епископ Курляндский и епископ Дерптский.

Благодаря политическим, культурным и экономическим связям Прибалтийского региона со Священной Римской империей, правоприменительная практика созыва ландтага ландесгерром распространялась и на Ливонию. Сравнение с имперскими сословно-представительными собраниями заслуживает отдельного внимания. Однако, прежде чем перейти к подобному сопоставлению, необходимо определить, что представлял собой этот институт в Прибалтике. С одной стороны, степень участия ландтагов в политической жизни рассматриваемого региона достаточно освещена. Но с другой – механизмы функционирования данного сословно-представительного органа остаются не достаточно ясными, учитывая существующую дискуссию о том, что такое Ливонская конфедерация. Несмотря на то, что термин закрепился в зарубежной историографии², споры относительно внутреннего

² *Köbler G.* Historisches Lexikon der deutschen Länder: Die deutsche Territorien vom Mittelalter bis Gegenwart. München, 1988. S. 386; *Sach M.* Hochmeister und Großfürst: die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preußen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit. Stuttgart, 2002. S. 99; *Kreem J.*

содержания этого политического образования и его институтов ведутся до сих пор.

Внимание к ливонскому сословно-представительному органу обозначилось еще в XIX в. Речь идет в данном случае не об общих исследованиях по истории Ливонии, а о работах, посвященных непосредственно ландтагам. Это может быть обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, общей направленностью прибалтийско-немецкой историографии, связанной в то время с императорскими реформами второй половины XIX в. в сфере судебной-правовой системы, городского самоуправления и т.д.³ В таких политических условиях эпизодическое обращение к становлению местных сословных органов было естественным. Во-вторых, немаловажную роль играла полемика со славянофилами, что приводило к подчеркиванию собственной культурной и исторической специфики, в том числе и внутривосточной, что видно, например, в исследованиях Юлиуса Экардта⁴. В начале XX в. изучение данной проблематики происходило на фоне революционных событий 1905–1907 гг., в том числе в Прибалтийских губерниях. Именно к этому времени относится начало серии публикаций внутривосточного корпуса источников по сословным собраниям в Ливонии, инициированная Л. Арбузовым – старшим⁵.

Одним же из современных инициаторов дискуссии вокруг ландтагов и сословий в Ливонии можно, соглашаясь с утверждением П. Пиримяе, считать польского историка Яна Костржака, который, подчеркивая политическое единство Ливонии, использовал термин «феномен общеливонского ландтага»⁶.

Der Deutsche Orden und die Reformation in Livland // The military orders and the Reformation. Utrecht, 2006. S. 43; и др.

³ Бессуднова М.Б. Россия и Ливония в конце XV в.: Истоки конфликта. М., 2015. С. 25.

⁴ Eckardt Ju. Der livländische Landtag in seiner historischen Entwicklung // Baltische Monatsschrift. 1861. Bd. 3. S. 38–78, 116–159. О нем см.: Garleff M. Julius Eckhardt als baltische Historiker // Geistwissenschaften und Publizistik im Baltikum des 19. und frühen 20. Jahrhunderts / Hrsg. N. von Angermann, W. Lenz, K. Meyer. Berlin, 2011. S. 313–337 (Schriften der Baltischen Historischen Kommission; Bd. 17).

⁵ Akten und Rezesse der livländischen Ständetage / Hrsg. O. von Stavenhagen, L. Arbusow. Riga, 1907–1938. Bd. I–III. (Далее – AR).

⁶ Kostrzak J. Die Ständeprobleme in Altlivland im 15. Jahrhundert // Die Anfänge der ständischen Vertretungen in Preußen und seinen Nachbarländern. München, 1992. S. 156. *Idem*. Narodziny ogólnolivonickich zgromadzeń stanowych od XIII do połowy XV w. Warszawa; Poznań; Toruń, 1985. S. 48.

Латвийский историк Илгварс Мисанс, один из специалистов по истории Ливонии, в свою очередь охарактеризовал ландтаг как «цельный политический организм»⁷. Ландтаг был важным институтом, объединявшим ландесгерров и сословия. По мнению Пэртель Пииримяе, без его существования нельзя было бы говорить о единой Ливонии в политическом смысле⁸. Балтийско-немецкий историк Хайнц фон цур Мюлен⁹, характеризуя этот политический организм, предложил две возможности: Ливония XVI в. была или «*Staatenbund*» или «*Ständestaat*». П. Пииримяе не согласен с подобной постановкой вопроса, считая ее анахронизмом, поскольку это больше соответствует реалиям Нового времени, связанным с принципом суверенитета¹⁰. В связи с этим, указанный конструкт не представляется подходящим для рассмотрения политических структур Средневековья и раннего Нового времени¹¹, учитывая, что Ливония порой рассматривается как часть Священной Римской империи¹².

В значительной степени, точка зрения Костржака связана с идеями историка права XIX в. Фридриха Георга фон Бунге, который, анализируя средневековые политические структуры Ливонии, в первую очередь акцентировал внимание на «общеливонском» взаимодействии сословий, однако практически не уделял внимания тому, каким образом проявлялись территориальные интересы епископств или Ордена в рамках этого взаимодействия на ландтагах. По мнению Бунге, формирование этого сословно-представительного органа происходило на фоне возраставшего влияния рыцарства и становления так называемых

⁷ *Misāns I.* Wolter von Plettenberg und der livländische Landtag // Wolter von Plettenberg und das mittelalterliche Livland / Hrsg. von N. Angermann, I. Misāns. Lüneburg, 2001. S. 55–71.

⁸ *Piirimäe P.* Staatenbund oder Ständestaat? Der livländische Landtag im Zeitalter Wolters von Plettenberg (1494–1535) // *Forschungen zur baltische Geschichte*. Tartu, 2013. Bd. 8. S. 40.

⁹ *Mühlen H.* v.z. Livland von der Christianisierung bis zum Ende seiner Selbständigkeit // *Baltische Länder*. Berlin, 1994. S. 126–129.

¹⁰ *Piirimäe P.* Die livländische Landtag... S. 41.

¹¹ *Gustafsson H.* The Conglomerate State: A Perspective on State Formation in Early Modern Europe // *Scandinavian Journal of History*. 1998. Vol. 23. P. 189–213; *Elliott J. H.* A Europe of Composite Monarchies // *Past and Present*. 1992. Vol. 137. P. 48–71.

¹² *Hellmann M.* Altlivland und das Reich // *Felder und Vorfelder russischer Geschichte: Studien zu Ehren von Peter Scheibert*. Freiburg im Breisgau, 1985. S. 61–75; *Idem.* Livland und das Reich: Das Problem ihrer gegenseitigen Beziehungen. München, 1989. S. 26.

«landständischen Verfassung»¹³. Тезис о роли второго сословия в развитии ландтагов впоследствии поддержали Юлиус Экардт¹⁴ и Аксель фон Гернет¹⁵.

Эта гипотеза была опровергнута в 1991 г. Прийтом Раудкиви, подчеркнувшим, что ввиду нестабильности внутри Ливонии, указанный процесс перманентно подвергался внешнему влиянию¹⁶. По мнению П. Раудкиви ландтаги возникали, прежде всего, по инициативе ландесгерров, отчасти сохраняя баланс двух политических сил этих земель – Ордена и архиепископа Рижского. Повышение активности рыцарства Раудкиви объяснил участием ландесгерров в формировании представительства, в то время как города отстаивали свои собственные интересы, неоднократно находясь в оппозиции к другим политическим силам. Я. Костржак, описывая ситуацию XV в., также отметил, что обычно ландтаг был собранием представителей ливонских «малых государств», под которыми понимались земли епископств, архиепископства Рижского и орденские владения. Одним из признаков «малого государства» («Kleinstaat»), по мнению исследователя, была практика приема делегации представителей сословий каждым союзенным отдельно¹⁷.

Несмотря на различные точки зрения относительно природы сословно-представительного органа, исследователи отмечают значительную роль, которую эти собрания играли в политической жизни Ливонии. Ландтаги были важным средством коммуникации между сословиями и ландесгерром. Они способствовали, с одной стороны, вовлечению сословий в обсуждение возможных вариантов разрешения политических, сословных или конфессиональных проблем, а с другой – урегулированию сословных конфликтов.

¹³ *Bunge F. G. v. Geschichte des Gerichtswesens und Gerichtsverfahrens in Liv-, Est- und Kurland. Reval, 1874; Idem. Geschichtliche Entwicklung der Standesverhältnisse in Liv-, Esth- und Kurland bis zum Jahre 1561 // Forschungen aus dem Gebiete der liv-, esth-, und curländischen Rechtsgeschichte. Dorpat, 1838. Beit. 1. S. 80f.*

¹⁴ *Eckardt Ju. Op. cit. S. 38–78, 116–159.*

¹⁵ *Gernet A. v. Die Anfänge der livländischen Ritterschaften. Reval, 1895; Idem. Der Ursprung des altlivländischen Landtages // Baltische Monatsschrift. 1896. Bd. 46. S. 277–288.*

¹⁶ *Raudkivi P. Maapäeva kujunemine: Peatükk Liivimaa 14.–15. Sajandi ajaloost [Die Herausbildung des Landtags: Ein Kapitel aus der livländischen Geschichte des 14.–15. Jahrhunderts], Tallinn, 1991. S. 27.*

¹⁷ *Kostrzak J. Die Stände probleme... S. 157. Idem. Narodziny ogólnoinflanckich... P. 157.*

В качестве одного из индикаторов роли ландтагов в политической жизни Ливонии можно рассматривать частоту и регулярность их проведения. Так, существование регулярных учреждений может быть важным, если не необходимым условием для формирования или развития политических структур. В этой связи можно согласиться с Пииримяе, отметившим, что существование институтов на регулярной основе могло бы способствовать формированию возможностей для дальнейшей взаимной интеграции отдельных территорий в Ливонии¹⁸.

Первая попытка организовать собрание сословий в Ливонии на регулярной основе, была предпринята в 1422 г. Хотя сословия собирались и раньше, теперь была предпринята попытка сделать эти собрания ежегодными¹⁹. Предполагалось, что место и время встречи проведения ландтага будет определено архиепископом Рижским в согласии с другими ландесгеррами. Это было важным компромиссом между архиепископом и ландмайстером Немецкого ордена. Однако зафиксированные в рецессе положения не принесли результата. Последующие годы показали, что такое согласие могло быть достигнуто лишь при наличии баланса власти между двумя ландесгеррами. Перерывы между ландтагами могли быть значительными: 1495–1498 и 1504–1507, 1508–1512, 1526–1530. Тем не менее, считается, что именно ландтагу Ливонская конфедерация обязана своим существованием. Местом собрания сословий в начале декабря 1435 г., после битвы под Вилькомиром, на котором было подписано соглашение между ландесгеррами при участии сословий, считающееся основой конфедерации, был Валк²⁰.

Долгое время ливонский ландтаг созывался в разных местах. Каждый раз ландмайстер Ордена и архиепископ должны были согласовывать место встречи. В XV в. ландтаги проводились, как правило, в малых городах в центре Ливонии – Валк, Вольмар или Венден²¹. В XVI в. сословно-представительный орган эпизодически собирался также в Феллине, как, например, в 1534 г. Однако

¹⁸ Piirimäe P. Op. cit. S. 44.

¹⁹ AR. Bd. I. Nr. 299. § 15; Jähnig B. Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seiner Herrschaft in Livland. Berlin, 2011. S. 56.

²⁰ Brück T. Konflikt und Rechtfertigung in der Geschichtsschreibung Alt-Livlands: Christoph Forstenau – Silvester Stodewescher – Herman Heleweg // Geschichtsschreibung im mittelalterlichen Livland / Hrsg. M. Tumser. Berlin, 2011. S. 103.

²¹ Gernet A. v. Der Ursprung des livländischen Landtages // Baltische Monatschrift. Reval, 1896. Jg. 38. Bd. 46. S. 277.

большинство ландтагов проводилось в Вольмаре, особенно, с начала XVI столетия. Таким образом, представляется, что архиепископ и ландмайстер пришли в XVI в. к согласию избрать Вольмар местом проведения сословно-представительных собраний. Возможно, этот выбор был обусловлен тем, что город располагал крупным залом совета, церковью, залом гильдии, а также подходящими жилыми помещениями²².

Нерегулярность созывов ландтагов, свидетельствует о необходимости наличия политического влияния для организации этого процесса. Так, в остальных землях Империи право созыва ландтага было суверенным правом местного ландесгерра²³. В землях, где в качестве ландесгерра выступало духовное лицо, зачастую для созыва сословно-представительного собрания требовалось согласие местного соборного капитула²⁴. В случае со светским сюзереном созыв сословий оставался в юрисдикции ландесгерра²⁵.

Несмотря на то, что право созывать ландтаг исходило от сюзерена, имеются документальные свидетельства давления на него со стороны с целью организации собрания²⁶. Иначе обстояло дело

²² *Misāns I.* Organisation und Ablauf der Livländischen Land- und Städtetage // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands. München, 2006. Bd. 51. S. 54–59.

²³ *Below G. v.* Die landständische Verfassung in Jülich und Berg, Düsseldorf, 1885–1891.; Aalen, 1965; *Greindl G.* Untersuchungen zur bayerischen Ständeversammlung im 16. Jahrhundert: Organisation, Aufgaben und die Rolle der adeligen Korporation. München, 1983 (Miscellanea Bavarica Monacensia; 121); *Hegel K. v.* Geschichte der mecklenburgischen Landstände bis zum Jahr 1555. Rostock, 1856; *Krause H.* System der landständischen Verfassung Mecklenburgs in der zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts. Rostock, 1927; *Köhle K.* Landesherr und Landstände in der Oberpfalz von 1400–1583: Sozialstruktur und politische Repräsentanz eines frühneuzeitlichen Territoriums. München, 1969 (Miscellanea Bavarica Monacensia; 16); *Müller U.* Die ständische Vertretung in den fränkischen Markgraftümern in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts. Neustadt an der Aisch, 1984; *Reden A. v.* Landständische Verfassung und fürstliches Regiment in Sachsen-Lauenburg (1543–1689). Göttingen, 1974; *Sapper N.* Die Schwäbisch Österreichischen Landstände und Landtage im 16. Jahrhundert. Stuttgart, 1965 (Schriften zur südwestdeutschen Landeskunde; 6); *Schubert E.* Die Landstände des Hochstifts Würzburg. Würzburg, 1967; *Speck-Nagel D.K.G.* Die vorderösterreichischen Landstände im 15. und 16. Jahrhundert. Tübingen, 1991. Teil 1: Zu Geschichte, Institution und Wirkungsbereich der Landstände in Elsaß, Sundgau, Breisgau und Schwarzwald.

²⁴ *Bachmann S.* Die Landstände des Hochstifts Bamberg: Ein Beitrag zur territorialen Verfassungsgeschichte. Bamberg, 1962. S. 112. *Kostrzak J.* Narodziny ogólnoinflanckich ... P. 125.

²⁵ *Kostrzak J.* Narodziny ogólnoinflanckich... P. 124–126.

²⁶ AR. III. 96.

с так называемыми маннтагами – собраниями сословий не общеливонского, а локального уровня. Так, в епископстве Эзельском, как и в архиепископстве Рижском, ландесгерры под давлением сословий отказались от своего права созывать подобные собрания и инициатива перешла в руки местного рыцарства и городов, собиравшихся практически ежегодно, начиная с 1524 г. для решения местных вопросов²⁷.

Общеливонские сословно-представительные собрания созывались исключительно ландесгеррами. Об этом может свидетельствовать наличие часто используемой формулировки в рецессах ландтагов. Во многих из них говорится о том, что архиепископ и ландмайстер «*bestimmet*» и/или «*vorschreven*»²⁸. Тем не менее, использование этих формулировок в рецессах и в приглашениях не дает понимания того, кто был действительным инициатором того или иного ландтага. Это можно предположить, исходя из политической обстановки. К сожалению, корреспонденция между ландмайстером или архиепископом, которая могла бы пролить свет на этот вопрос, практически не сохранилась²⁹. На основании косвенных источников можно предположить, что если сословно-представительный орган собирался с целью решения внешнеполитических вопросов, то его инициатором, скорее всего, являлся глава духовно-рыцарской корпорации. Если же обсуждались внутренние проблемы общеливонского характера, то архиепископ и ландмайстер могли совместно выступить в качестве организаторов. Однако, это могло произойти только в случае равновесия политической власти. События первой половины XVI в., напротив, рисуют многогранную картину, связанную и с политической, и с конфессиональной ситуацией в регионе. В этих условиях ландмайстер неоднократно выступал в качестве единственного инициатора созыва ландтага³⁰. Во многом, это было связано с ослаблением власти архиепископа, особенно в конце 20-х – начале 30-х годов XVI в. Однако, даже в этот момент ландмайстер должен был получать согласие архиепископа. Одной из ярких ил-

²⁷ Piirimäe P. Ständischer Dualismus und territoriale Verselbständigung: Über die Verfassung des Bistums Dorpat im letzten Jahrhundert Alt-Livlands // Zur Geschichte der Deutschen in Dorpat / Hrsg. H. von Piirimäe, C. Sommerhage. Tartu 1998. S. 38–61.

²⁸ AR. III. 237.1; AR III 10; AR. III. 12; AR. III. 15; AR. III. 21; AR. III. 35; AR. III. 38.1; AR. III. 53.1; AR. III. 54.1; AR. III. 57.2; AR. III. 66; AR. III. 99; AR. III. 135.

²⁹ Piirimäe P. Op. cit. S. 48.

³⁰ Подробнее см.: Piirimäe P. Op. cit. S. 48–49.

люстраций являются события февраля 1530 г. Тогда посланники архиепископа дали ландмайстеру понять, что их сюзерен имеет право на участие в назначении даты и места следующего ландтага³¹. Это напоминание может свидетельствовать о том, что глава Ордена попытался решить вопрос без согласия на это со стороны архиепископа Рижского. В результате неопределенности ситуации созыв ландтага был отложен.

Помимо организации сословно-представительного собрания, наличие двух ландесгерров побуждает исследователя к рассмотрению процессуального вопроса. Каким образом созывались представители сословий? К сожалению, трудно дать на него точный ответ. С одной стороны, до нас дошел документ, регламентирующий эту процедуру. Это рецесс ландтага 1495 г.³² Согласно ему, архиепископ как глава церковного института в данном регионе приглашал епископов и других прелатов, а ландмайстер – гебитигеров и своих вассалов. При этом ленники архиепископа или епископа не упоминаются. Остается неясным, кто приглашал их. Известно лишь, что в ландтагах участвовали главы рыцарств отдельных земель (Ritterschaftshauptmann). В епископстве Эзельском эта избираемая должность, включавшая представительские функции на ландтаге, возникает в 1527 г.³³, а в области Харриен – Вирланд – в 1557 г.³⁴ Скорее всего, они выполняли главным образом представительские функции.

О процедуре созыва ландтага можно судить и по исходящей корреспонденции ландесгерров. В частности, сохранилось несколько приглашений ландмайстера Ордена, направленных Ревелю³⁵ и аналогичное письмо от архиепископа Рижского епископу Эзельскому³⁶. К сожалению, публикаций таких приглашений, обращенных к сословиям, в особенности к рыцарству, на сегодняшний день не известно, и поиск их в архивах Прибалтики яв-

³¹ AR. III. 272. 19.

³² AR. III. 2. 4.

³³ *Russwurm C.* Nachrichten über das Geschlecht Ungern-Sternberg. Breslau, 1876. T. I. № 167.

³⁴ *Bunge F. G. v.* Archiv für der Geschichte Liv-, Est und Kurlands. Reval, 1857. Bd. I. S. 16; *Brandis M.* Chronik oder aelteste livlaendische Geschichte und Collectanea oder die Ritter-Rechte des Fuerstenthums Ehsten // Monumenta Livonica Antiquae. Riga; Leipzig, 1842. Bd. III. S. 116.

³⁵ Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch 1/1–12, 2/1–3 / Hrsg. F.G. von Bunge, H. Hildebrand, Ph. Schwartz, L. Arbusow, A. Bulmerincq. Reval; Riga; Moskau, 1853–1915. Bd. 2, Nr. 651; AR. III. 291.

³⁶ Например, AR. III. 99.

ляется дальнейшим этапом исследования. Однако имеющиеся письма уже позволяют нам понять приблизительный временной интервал между отправкой приглашения и началом ландтага. Так, ландмайстер отправил приглашение Ревелю за пять недель. В свою очередь, епископ Эзельский в ответном письме архиепископу указал, что не может присутствовать на ландтаге, поскольку получил известие лишь за шесть недель и поэтому ему будет сложно прибыть вовремя³⁷. Учитывая разницу расстояния, преодолеваемого к началу собрания представителями сословий из разных областей Ливонии, можно предположить, что приглашения высылались в разное время. Однако, приведенные примеры, показывают, что интервал между отправкой приглашения и началом сословно-представительного собрания мог составлять около месяца (есть свидетельства о приглашениях, отправленных за две недели³⁸, однако это, скорее всего, исключение).

Другим вопросом, не менее важным, чем процедура приглашения на ландтаг, является его структура. Она описана достаточно подробно в послании ливонских сословий от 1562 г. Николаю Радзивиллу. Его проанализировали Фридрих Георг фон Бунге³⁹ и Юлиус Екардт⁴⁰. Согласно посланию, ландтаг состоял из четырех курий: 1) архиепископ Рижский, епископы Эзельский, Дерптский, Курляндский и Ревельский, аббаты Фалькенау и Падиса; 2) ландмайстер Немецкого ордена с гебитигерами и рыцарями; 3) рыцарство Ливонии совместно с советниками ландесгерров; 4) представители городов – Риги, Дерпта, Ревеля, Пернау, Вендена, Вольмара, Нарвы, Феллина и Кокенхаузена и главы замков. Возникает вопрос, насколько это описание отражало реальную ситуацию. Дело в том, что это послание было отправлено Радзивиллу в момент формирования герцогства Курляндского и Семигальского. Оно могло в большей степени описывать то, каким ландтаг должен был быть. В пользу этого предположения говорит несоответствие списка городов-участников ландтага существующей практике. Только Рига, Ревель и Дерпт имели право отправлять своих делегатов на сословно-представительное собрание⁴¹. Также, в рецессах отсутствует упоминание об участии аббатов Фалькенау и Падиса. Тем не менее, источ-

³⁷ Piirimäe P. Op. cit. S. 50.

³⁸ Ibid. S. 49.

³⁹ Bunge F. G. v. Geschichtliche Entwicklung... S. 97f.

⁴⁰ Eckardt Ju. Op. cit. S. 49.

⁴¹ Bunge F. G. v. Geschichtliche Entwicklung... S. 83; Eckardt Ju. Der livländische Landtag... S. 52.

ник указывает на существование определенной структуры ландтага, состоящего из четырех «курий».

После 1561/2 г., когда Ливонская конфедерация прекратила свое существование, значение ландтагов продолжало оставаться в политической жизни, хотя и не на столь высоком, как прежде, но все же на значительном уровне⁴².

Некоторые детали остаются спорными и требуют дальнейших исследований. Несмотря на это, ландтаг отражал структуру общества. С одной стороны, участники собрания выступали как представители того или иного сословия с его политическими интересами, а с другой – как ленники своего сюзерена, встроенные в вассально-ленную иерархию отдельных земель Ливонии. Роль ландтагов в системе взаимоотношений в этом регионе противоречива. Возникновение этого политического института может свидетельствовать об усилении сословий. Однако обращает на себя внимание нерегулярность его созывов, а также сопряженные с этим сложности, связанные, зачастую, с необходимостью достижения компромисса между ландмайстером и архиепископом Рижским. Кроме того, политическая проблема, внутренняя или внешняя, для решения которой созывался ландтаг, должна была быть достаточно серьезной. Эти доводы могут говорить о незначительном месте ландтага в политической системе Ливонии. Однако невозможность решения многих важных вопросов без созыва сословий, свидетельствует о росте влияния последних. Это было обусловлено как важной ролью ганзейских городов и в экономическом, и политическом смыслах, так и стремлением сохранить или получить поддержку рыцарства ливонских земель. Эта потребность была спровоцирована внутренними и внешними политическими процессами. Рост необходимости созыва ландтагов, несмотря на их нерегулярность, может свидетельствовать о высоком значении этого сословно-представительного института в Ливонии первой половины XVI в. Во второй половине этого столетия ландтаг продолжал играть важную роль, несмотря на изменение условий, связанных с трансформацией политического статуса ливонских земель в результате распада Ливонской конфедерации и секуляризации орденских владений.

⁴² Хайде Ю. Ливония под властью Речи Посполитой // *Quaestio Rossica*. Екатеринбург, 2014. № 2. С. 113–114; Szabaciuk A. Organizacja samorządu ziemskiego szlachty bałtyckiej na terytorium Inflant w latach 1561–1920 // *Annales universitatis Mariae Curie-Skłodowska*. Lublin, 2008. Vol. LXIII. P. 68–69.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV в.: Истоки конфликта. М., 2015.

Рогачевский А. Л. О взглядах немецкого бюргерства XIV–XV вв. на природу и назначение городских органов власти // Правоведение. Л., 1989. Вып. 6. С. 46–52.

Хайде Ю. Ливония под властью Речи Посполитой // Quaestio Rossica. Екатеринбург, 2014. № 2. С. 113–143.

Хачатурян Н. А. Сословная монархия во Франции в XIII–XV вв. М., 1989.

Akten und Rezesse der livländischen Ständetage / Hrsg. O. von Stavenhagen, L. Arbusow. Riga, 1907–1938. Bd. I–III.

Bachmann S. Die Landstände des Hochstifts Bamberg: Ein Beitrag zur territorialen Verfassungsgeschichte. Bamberg, 1962.

Below G. v. Die landständische Verfassung in Jülich und Berg. Düsseldorf 1885–1891; Aalen, 1965.

Brandis M. Chronik oder aelteste livlaendische Geschichte und Collectanea oder die Ritter-Rechte des Fuerstenthums Ehsten // Monumenta Livonica Antiquae. Riga; Leipzig, 1842. Bd. III.

Brück T. Konflikt und Rechtfertigung in der Geschichtsschreibung Alt-Livlands: Christoph Forstenau – Silvester Stodewescher – Herman Heleweg // Geschichtsschreibung im mittelalterlichen Livland / Hrsg. M. von Tumser. Berlin, 2011. S. 87–133.

Buchda G. Reichsstände und Landstände in Deutschland im 16. und 17. Jahrhundert // Die geschichtlichen Grundlagen der modernen Volksvertretung: Die Entwicklung von den mittelalterlichen Korporationen zu den modernen Parlamenten. Darmstadt, 1974. Bd. 2: Reichsstände und Landstände. S. 211–241.

Bunge F. G. v. Archiv für der Geschichte Liv-, Est und Kurlands. Reval, 1857. Bd. I.

Bunge F. G. v. Geschichte des Gerichtswesens und Gerichtsverfahrens in Liv-, Est- und Kurland. Reval, 1874.

Bunge F. G. v. Geschichtliche Entwicklung der Ständeverhältnisse in Liv-, Esth- und Kurland bis zum Jahre 1561 // Forschungen aus dem Gebiete der liv-, esth-, und curländischen Rechtsgeschichte. Dorpat, 1838. Beit. 1. S. 80f.

Bunge F. G. v. Geschichte des Gerichtswesens und Gerichtsverfahrens in Liv-, Est- und Kurland. Reval, 1874.

Eckardt Ju. Der livländische Landtag in seiner historischen Entwicklung // Baltische Monatschrift. [1861]. Bd. 3.

Elliott J. H. A Europe of Composite Monarchies // Past and Present. [1992]. Vol. 137. P. 48–71.

Garleff M. Julius Eckhardt als baltische Historiker // Geistwissenschaften und Publizistik im Baltikum des 19. und frühen 20. Jahrhunderts / Hrsg. von

N. Angermann, W. Lenz, K. Meyer. Berlin, 2011. S. 313–337 (Schriften der Baltischen Historischen Kommission; Bd. 17).

Gernet A. v. Der Ursprung des livländischen Landtages // Baltische Monatschrift. Reval, 1896. Jg. 38. Bd. 46. S. 277–288.

Gernet A. v. Die Anfänge der livländischen Ritterschaften. Reval, 1895.

Greindl G. Untersuchungen zur bayerischen Ständeversammlung im 16. Jahrhundert: Organisation, Aufgaben und die Rolle der adeligen Korporation. München, 1983 (Miscellanea Bavarica Monacensia; 121).

Gustafsson H. The Conglomerate State: A Perspective on State Formation in Early Modern Europe // Scandinavian Journal of History. 1998. Vol. 23. P. 189–213.

Harding E. Landtag und Adligkeit: ständische Repräsentationspraxis der Ritterschaften von Osnabrück, Münster und Ravensberg, 1650 bis 1800, Münster, 2011.

Hegel K. v. Geschichte der mecklenburgischen Landstände bis zum Jahr 1555. Rostock, 1856.

Hellmann M. Altlivland und das Reich // Felder und Vorfelder russischer Geschichte: Studien zu Ehren von Peter Scheibert. Freiburg im Breisgau, 1985. S. 61–75.

Hellmann M. Livland und das Reich: Das Problem ihrer gegenseitigen Beziehungen. München, 1989.

Jähnig B. Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seiner Herrschaft in Livland. Berlin, 2011.

Krause H. System der landständischen Verfassung Mecklenburgs in der zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts. Rostock, 1927.

Köbler G. Historisches Lexikon der deutschen Länder: Die deutsche Territorien vom Mittelalter bis Gegenwart. München, 1988.

Kostrzak J. Die Ständeprobleme in Altlivland im 15. Jahrhundert // Die Anfänge der ständischen Vertretungen in Preußen und seinen Nachbarländern. München, 1992. S. 151–157.

Kostrzak J. Narodziny ogólnoinflanckich zgromadzeń stanowych od XIII do połowy XV w. Warszawa; Poznań; Toruń, 1985.

Köhle K. Landesherr und Landstände in der Oberpfalz von 1400–1583: Sozialstruktur und politische Repräsentanz eines frühneuzeitlichen Territoriums. München, 1969 (Miscellanea Bavarica Monacensia; 16).

Kreem J. Der Deutsche Orden und die Reformation in Livland // The military orders and the Reformation. Utrecht, 2006. S. 43–59.

Krüger K. Die landständische Verfassung. München, 2003.

Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch 1/1–12, 2/1–3 / Hrsg. F.G. von Bunge, H. Hildebrand, Ph. Schwartz, L. Arbusow, A. Bulmerincq. Reval; Riga; Moskau, 1853–1915. Bd. 2.

Misāns I. Wolter von Plettenberg und der livländische Landtag // Wolter von Plettenberg und das mittelalterliche Livland / Hrsg. von N. Angermann, I. Misāns. Lüneburg, 2001. S. 55–71.

Misāns I. Organisation und Ablauf der Livländischen Land- und Städtetage // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands. München, 2006. Bd. 51. S. 49–62.

Mühlen H. v. z. Livland von der Christianisierung bis zum Ende seiner Selbständigkeit // Baltische Länder. Berlin, 1994. S. 126–129.

Müller U. Die ständische Vertretung in den fränkischen Markgraftümern in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts. Neustadt an der Aisch, 1984.

Piirimäe P. Staatenbund oder Ständestaat? Der livländische Landtag im Zeitalter Wolters von Plettenberg (1494–1535) // Forschungen zur baltische Geschichte. Tartu, 2013. Bd. 8. S. 40.

Piirimäe P. Ständischer Dualismus und territoriale Verselbständigung: Über die Verfassung des Bistums Dorpat im letzten Jahrhundert Alt-Livlands // Zur Geschichte der Deutschen in Dorpat / Hrsg. H. von Piirimäe, C. Sommerhage. Tartu, 1998. S. 38–61.

Raudkivi P. Maapäeva kujunemine. Peatükk Liivimaa 14.–15. Sajandi ajaloost [=Die Herausbildung des Landtags: Ein Kapitel aus der livländischen Geschichte des 14.–15. Jahrhunderts]. Tallinn, 1991.

Reden A. v. Landständische Verfassung und fürstliches Regiment in Sachsen-Lauenburg (1543–1689). Göttingen, 1974.

Rösener W. (Hg.) Kommunikation in der ländlichen Gesellschaft vom Mittelalter bis zur Moderne. Göttingen, 2000.

Russwurm C. Nachrichten über das Geschlecht Ungern-Sternberg. Breslau, 1876. T. I.

Sach M. Hochmeister und Großfürst: die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preußen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit. Stuttgart, 2002.

Sapper N. Die Schwäbisch-Österreichischen Landstände und Landtage im 16. Jahrhundert. Stuttgart, 1965 (Schriften zur südwestdeutschen Landeskunde; 6).

Schubert E. Die Landstände des Hochstifts Würzburg. Würzburg, 1967.

Speck-Nagel D.K.G. Die vorderösterreichischen Landstände im 15. und 16. Jahrhundert. Tübingen, 1991. Teil 1: Zu Geschichte, Institution und Wirkungsbereich der Landstände in Elsaß, Sundgau, Breisgau und Schwarzwald.

Szabaciuk A. Organizacja samorządu ziemskiego szlachty bałtyckiej na terytorium Inflant w latach 1561–1920 // Annales universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Lublin, 2008. Vol. LXIII. P. 67–78.

Wild J. Quellenlage zum Alten Landtag // Der bayerische Landtag vom Mittelalter bis zur Gegenwart: Probleme und Desiderate historischer Forschung. München, 1995. S. 127–139.